

УДК 130.2 : 316.7

Воронов В. В., Институт социологии РАН (Москва, Россия)

ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ: ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ В XXI ВЕКЕ

Процессы преобразований, происходящие в современном мире, формируют необходимость изучения проблем активности субъектов экономических отношений (их интересов, взаимодействия) в плоскости анализа трансформации материальной и отражающей её духовной деятельности общества, чтобы выявить основные тенденции и противоречия их развития и изменений в исторической социо-культурной, социо-экономической динамике.

Ключевые слова: *социокod, материальная культура, историческая динамика.*

Воронов В. В., Інститут соціології РАН (Москва, Росія)

ФІЛОСОФІЯ І СОЦІОЛОГІЯ МАТЕРІАЛЬНОЇ КУЛЬТУРИ: ІСТОРИЧНА РЕФЛЕКСІЯ В XXI СТОЛІТТІ

Процеси перетворень, що відбуваються в сучасному світі, формують необхідність вивчення проблем активності суб'єктів економічних відносин у площині аналізу трансформації матеріальної духовної діяльності суспільства, щоб виявити основні тенденції і протиріччя їх розвитку і змін в історичній соціо-культурній, соціо-економічній динаміці.

Ключові слова: *соціокod, матеріальна культура, історична динаміка.*

Voronov V. V., Institute of Sociology of the Russian Academy of Science (Moscow, Russia)

PHILOSOPHY AND SOCIOLOGY OF MATERIAL CULTURE: HISTORICAL REFLECTION IN THE XXI CENTURY

The processes of transformation taking place in the modern world, the need to form a study the problems of the activity of economic agents (their interests, and interactions) in the plane of analysis of the transformation of material and spiritual activities reflecting its society, to identify key trends and contradictions in their development and changes in the historical socio-cultural, socio-economic dynamics.

Key words: *sociokod, material culture, historical dynamics.*

В современной экономической науке все большее влияние получает субъективная феноменология как целевая установка на функциональный, а не каузальный анализ, т. е. отказ от исследования сущности экономического бытия,

законов его развития. Это стало характерно в силу нарастающего преувеличения виртуальных отношений (в первую очередь – финансовых) над материально-производственными.

Проблема исследования экономического сознания значительно усложнилась в настоящее время, ибо происходит активный слом

прежней научной картины мира, основывающейся на механицизме стационарного бытия. Новые явления и процессы получили в науке интерпретацию как явления и процессы изменений, преобразований. Однако, например, преобразование понимается в формирующейся новой картине мира, по преимуществу механически, т. е. с позиции изменения частей целостного объекта, а не диалектически, – с позиции развития целостности самого объекта. Поэтому изучение особенностей формирования, развития, преобразования разных типов экономического сознания и экономической практики на основе понимания проявлений объективной экономической сущности жизнедеятельности общества позволит внести вклад в выработку научно взвешенной трактовки процессов отражения и развития глобальной и локальной экономической жизни.

Получает возможность расширения предметное поле экономической социологии посредством введения в научный оборот современных вопросов социологии экономической практики и экономического сознания с позиций различных подходов экономистами, философами, социологами.

Экономическое – внутренне присущая сторона социального, особая система организации социального, поэтому их нельзя ни противопоставлять, ни абсолютно разграничивать в объективной действительности [1]. Экономико-социологический анализ преобразований экономического сознания и практики должен, по нашему мнению, исходить из того факта, что субстанцию общественного бытия образует овеществленный труд. Общественный характер труда в своем развитии порождает преобразования субъективной и объективной стороны этого труда: сознания и практики.

Экономическое сознание – это совокупность знаний, идей, чувств, настроений и других компонентов сознания, которые есть процесс и результат отражения экономических действий и явлений, а также особенность понимания и отношения к ним.

Объектом непосредственного отражения экономического сознания является экономическая практика. Экономическая практика – это целеполагающая общественно-материальная,

преобразующая деятельность людей, обусловленная исторически определенными экономическими отношениями. Эта практика имеет следующую структуру: реализация активности человека в материальной сфере, детерминированной законами объективного мира; собственно объективная материальная деятельность определенного вида на основе общественного разделения труда, опредмечивающаяся в конкретных результатах и являющаяся технологией («социокодом») деятельности; основана на знании – научном и ненаучном, которое задает цели и средства материальной деятельности.

В современной литературе сложилось исследование материального и духовного в экономической сфере на основе парных категорий «экономическое сознание» и «экономическое поведение». Последнее определяется как «человеческое поведение, связанное с выбором и принятием решения относительно альтернативного использования редких ресурсов (денег, материальных ресурсов, энергии и т. д.) с целью удовлетворения потребностей» [2]. На наш взгляд, более глубокий подход предполагает исследование на основе категорий «экономическое сознание» и «экономическая практика». В первом случае имеет место субъективно-функциональный феноменологический подход, не дающий каузального объяснения установки отчужденности людей от реализации своих способностей, от собственности, от результатов своей деятельности, а также снятия отчуждения человека от его объективаций. Это возможно лишь на основе понятия практики как способа существования общества, основной формы его бытия.

Содержание экономической практики определяется ее типом: общественно-материальная деятельность с целью получения прибыли, накопления капитала, порождает и воспроизводит рыночный (либеральный и прагматико-либеральный) тип практики, а та же деятельность для человеческого развития посредством коллективного характера, совместного способа ее осуществления на основе различных экономических укладов при господстве трудовой социализированной собственности – социально-ориентированный (нерыночный) тип экономической практики. Следовательно,

отражающее тот или иной тип практики экономического сознания становится и соответствующим типом экономического сознания.

Противоречия современного экономического развития и его пределы заложены не только в реальной действительности как таковой, но и в образе экономического мышления, в искаженном виде воспроизводящем эту действительность. Поэтому при анализе типа экономической практики нельзя отвлекаться от экономического сознания данного типа практики, но нельзя и солидаризироваться с ним, ибо это сознание требует рациональной интерпретации с научных позиций. Здесь возникает антиномия свободы человеческого действия (вплоть до субъективного произвола) и исторической необходимости: человек делает больше, чем понимает, и очень часто не понимает, что он сделал. То есть, будучи практическим проводником своих намерений, он не всегда видит их идеальную (трансцендентально-смыслообразующую) проекцию.

Экономический центризм западного экономического мышления, в искаженном («денежном») виде воспроизводящего все разнообразие социальных связей и отношений, и является пределом либерально-рыночного экономического сознания, сужающего горизонт разнообразного восприятия реальной действительности. Но даже если агенты рыночной практики осознают свой экономический центризм и захотят его преодолеть, опираясь на возможности относительной самостоятельности сознания, им это вряд ли удастся. Ибо экономическое сознание всегда обслуживает и решает те задачи, которые ставит наличное экономическое бытие и его феномены в виде исторически обусловленной экономической практики.

Для понимания исторических особенностей и типологизации основных форм материальной (экономической) деятельности обществ воспользуемся содержательным анализом взаимосвязи человека и культуры на основе типологизации «социокодов» человеческой деятельности [3]. Социокод – это преемственное воспроизведение людьми определенных навыков, характеристик и ориентиров практической деятельности. В роли социокода как кода социальной наследственности в жизнедеятельности общес-

тва выступает знак с его способностью фиксировать и хранить значение социально-необходимой материальной деятельности. Любое общество располагает не биологическими, а социальными средствами кодирования своей деятельности на основе своей сущности – общественной формы труда. Поэтому социокод определяет особенности бытия исторически конкретного общества посредством разных типов трансляций знания в двух формах его существования:

1) как деятельности (т. е. развертывания знания как актов процесса перехода от общего – «знания для общества» к единичному – «знания для деятельности человека»);

2) как знака – средства трансляции в социальном пространстве и времени суммы накопленного знания. Последнее «пересаживается» в человеческую голову, а затем переводится в деятельность человека, в практику.

Можно выделить три типа социокодов для воспроизводства и развития исторически определенной материальной деятельности: личностной, профессионально-именной, универсально-понятийной. Первый тип характерен для семейного, общинного хозяйства как добычи средств к жизни у природы. Второй тип – для традиционных, докапиталистических обществ, где производство и торговля имеют своим пределом удовлетворение потребностей членов общества. Третий – для современных обществ с рыночной экономикой, возникших в странах Западной Европы в XVI в.

В социокоде первого типа закрепляется устойчивый и конечный по числу набор имен, в которых распределены хозяйственные формы деятельности: охота, рыболовство, собирательство и т. д. Здесь роли распределены среди конечного круга лиц общины, рода. Конкретный человек лишь временно, в течение жизни, исполняет обязанности имени, а имя выступает «вечным» ролевым набором в актах последовательной передачи от одного носителя к другому. Здесь отсутствует привычное нам кодифицированное знание в форме законов природы, хозяйствования и т. д. Поэтому устойчивость и преемственность этого типа социокода исходит из возможностей человеческой памяти, что

предполагает, по преимуществу, лишь его обновление, а не развитие.

Профессионально-именной тип социального кодирования деятельности характерен для обществ, где преобладающая форма хозяйственной практики – тоже натуральное хозяйство (земледелие, скотоводство, ремесло), но часть прибавочного продукта здесь предназначена для обмена, который носит постоянный характер.

Земледелие и скотоводство давали возможность отчуждать до 15-20 % произведенного продукта труда. Поэтому около 80 % населения в таком обществе – это профессионалы земледельцы, скотоводы с унифицированным набором ролей-навыков, а вокруг них вырастают ролевые наборы ремесленников, жрецов, воинов, музыкантов, поэтов, чиновников и т. д., в рамках оставшейся квоты продуктов труда.

Основную трансляционную нагрузку социальной памяти здесь несет семья: новые поколения с детства включены в труд старших и постепенно осваивают их навыки. При этом четкая дифференциация богов-покровителей задает этому типу материальной культуры направленность в специализацию (например, в форме цеховой системы), что придает ей устойчивость, но блокирует инновационную функцию данной культуры. Это имеет негативные последствия: накапливая огромные знания, общества данного типа могут быть подвергнуты разрушению от незначительных экзогенных причин, чтобы начать свою жизнедеятельность заново (как вавилонские, египетские, китайские царства разных эпох).

Социальная трансмутация на основе торгового мореходства Древней Греции разрушила основу профессионально-именного типа социокода – изъятие 15-20 % продукта натурального хозяйства на нужды специализации. Появилось совмещение профессий и перевод профессионально-сакральных навыков в личные навыки человека. Появился человек-универсал, в голове которого совмещаются самостоятельные, прежде различные профессиональные знания. Это совмещение шло посредством понятийной универсализации языка на основе его грамматики. Связь хозяйственных навыков далее стала фиксироваться не только в голове, но и вне го-

ловы, благодаря книгопечатанию, а сейчас компьютеру, как инструментам накопления нового знания. Все это породило новую, универсально-понятийную схему социального кодирования материальной культуры общества.

В основе трансформации второго типа социокода в третий лежит развитие опытной науки, потребности формирования национальных государств и развития внешней торговли между ними, которые породили светско-прагматический подход к оценке хозяйственных решений, их приспособления к меняющимся условиям жизни. Новый социокод способствовал перевороту в производительных силах общества, ибо принципиально новую технику и технологии нельзя было ввести через первые два типа социокодов (лично-именной, профессионально-именной). Это стало возможным лишь на основе универсально-понятийного знания, которое может существовать в отрыве от головы человека – в книге, на дискете, CD-диске, flash-memory и т. д. В этом случае открытый закон, «ноу-хау» и т. д. можно использовать в другом месте, времени, условиях вполне самостоятельно и с учетом тех или иных интересов. Это способствовало резкому экономическому росту: с 0,01-0,1 % в год в традиционном обществе до не менее 2% в год в современном капиталистическом обществе.

Именно с возникновения общества модерна в XVI в. возникает и идея разнонаправленного развития материальной культуры разных обществ на Земле. Однако развитие получает универсальная гегелевская идея о едином пути развития человечества как осознании исторической иерархии между европейскими и неевропейскими типами материальной культуры. При этом появилась недооценка разнообразия форм реализации конкретного типа социокода в материальной культуре конкретного общества с учетом его исторических традиций, преемственности и ментальности народа. Кроме того, если линейный путь преобразования социокода первого типа во второй, а второго в третий – универсально-понятийный (он занял в европейской цивилизации более трех тысяч лет) является желаемо-обязательным для всех человеческих культур, то путь этот заведомо непроходим для неевропейских стран, народов,

ибо исходит из концепции «догоняющего развития». Понимание данного обстоятельства подвигло неолиберальную экономическую мысль к постулированию естественности экономического неравенства в мире и необходимости, по существу, нефеодалных порядков (господство неэкономических инструментов воздействия по сравнению с экономическими) для эффективного управления мировой экономикой в своих целях наживы и насилия. С этой точки зрения все идеи о социальной справедливости не более чем благодусные утопии, которые «размывают» суровую реальность: использование всех неевропейских обществ лишь как средств для поддержания достигнутого качества жизни западноевропейской цивилизации.

Может быть и другая точка зрения: все три типа социокодов могут быть интегрированы различными типами обществ посредством интеграции социального знания, тогда все человеческие общества могут стать едиными по возможностям своего развития (а не только западноевропейские). Для этого необходима иная, не стоимостная экономическая основа развития человеческого общества, преодолевающая утилитарный мир материальных ценностей, спо-

собствующая будущему духовному преобразованию мира. Такой единственно научной экономической основой пока остается потребительно-стоимостная теория социально-экономического развития общества [4].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Сведберг, Р. Новая экономическая социология: что сделано и что впереди? / Р. Сведберг // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2002. – Том V. – № 2(18). – С. 19.
2. Раай, В. ван. Экономика и психология / В. ван Раай // Панорама экономической мысли конца XX столетия: в 2-х т. / под ред. Д. Гри-нэуэя, М. Блини, И. Стюарта. – СПб. : Экономическая школа, 2002. – Т. 2. – С. 974.
3. Петров, М. Человек и культура в научно-технической революции / М. Петров // Вопросы философии. – 1990. – № 3. – С.79–92.
4. Ельмеев, В. Социальная экономия труда: общие основы политической экономии / В. Ельмеев. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2007.

Поступила в редколлегию 15.02.2012.

Принята в печать 28.02.2012.